

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

Польский вопрос у Н.Я. Данилевского и идея славянской общности

Польский вопрос — один из важнейших для России XIX века. Поляки были единственным из окраинных народов Империи, который имел свои сильные государственные традиции и свою мощную аристократию, которая в середине века составляла около 40% от дворянства империи (почти не уступая по численности русским дворянам). Россия ещё в XVIII веке присоединила сильно ополяченные западнорусские земли, и всё же поляки на них составляли лишь небольшой привилегированный слой. Подчинение же императорской власти в 1815 г. собственно Польши стало, как мы сегодня можем сказать, своего рода цивилизационным вызовом для России. Она должна была найти способ сожительства с крупным народом западнохристианской культуры, привыкшим рассматривать Россию как своего исторического врага.

Но вызов был ещё более сложным из-за господствовавшей и постепенно всё более набиравшей популярность идеи объединения славян вокруг России. Русские увидели свою миссию в деле освобождения зарубежных славянских народов, которые на начало столетия ещё все были под чуждой властью. Более того, именно в деле формирования единого Славянства виделся залог будущей силы России и её способности на равных разговаривать с Западной Европой. Однако и эта мысль об освободительной

миссии и единении славян опять же натыкалась на крайнюю польскую враждебность и обвинения в порабощении.

Большую часть русской истории её военное и культурное столкновение с Западом происходило как раз в формате русско-польских отношений. Это именно Польша была основной западнохристианской соседкой, которая с XIV века осуществляла планомерную кампанию по подчинению русских земель и лишению их своего традиционного конфессионального, языкового и в целом культурного облика. Но в XIX веке в поляках уже не видели основного врага и не рассматривали их как основного представителя Запада, более того — появился большой запрос на примирение с этим народом и даже на союз с ним.

Одновременно в России появляется ранняя цивилизационная мысль. Вообще, идею о цивилизациях можно признать специфически незападной по своей природе. Для Запада традиционно рассматривать свою культуру как имеющую общечеловеческий характер, просто более прогрессивную, чем иные. А соответственно, западной культуре как раз не свойственен взгляд на себя и на других как на особые самоценные цивилизации — весь не-Запад рассматривается как «Восток», который требует своего исправления через западное влияние, доведение до западного уровня и стан-

дартов¹. Его культуры не самоценны, а западная культура общезначима. Эта позиция отрицания равноправного диалога мировых культур до сих пор составляет важнейшую особенность западного мышления о мире. И, кстати, она же была глубоко усвоена польской культурой ещё в XVI веке². Идея особых цивилизаций формируется именно в оппозиции к этой традиции мысли. За ней стоит вызов: «Мы не будем под вас подделываться, потому что мы не хуже — мы другие». Но вот в чём эта инаковость, на чём она исторически основана — ещё было трудно сформулировать.

Славянофильство можно считать тем течением, которое на ранних стадиях разрабатывало цивилизационную мысль в России. И русское культурное своеобразие славянофилы предпочитали видеть именно в славянском происхождении русского народа. То есть привычная нам в наши дни идея о принципиальной значимости религиозно-конфессионального фактора в формировании цивилизации фактически в этом вопросе отрицалась, всё так или иначе сводилось к этнолингвистической общности. И учёный, раньше всех сформулировавший основания собственно цивилизационного подхода — Данилевский, — также придерживался именно такого взгляда, что вызывало немало теоретических трудностей.

Идея славянства ставит довольно сложную задачу описывать всю историю многовекового столкновения русских земель с Западом через призму противостояния с немцами, а не через противостояние с поляками, которые

тем самым должны признаваться частью «своей» стороны. Равно как и современные конфликты с поляками, их восстания также должны были получать такое объяснение, которое сохраняло бы значимость и привлекательность общеславянской идеи.

В целом можно отметить, что русская мысль по крайней мере до польского восстания 1863 года старалась сохранять максимальный оптимизм в вопросе о будущем русско-польских отношений. Большая её часть исходила из представления о постепенном преодолении польской враждебности и видела будущие отношения как дружественные и взаимовыгодные³. Ф.И. Тютчев в 1850 г. писал: *«Тогда лишь в полном торжестве / В славянской мировой громаде / Строй вождельный водворится, / Как с Русью Польша помирится»*⁴. Как писал ещё один современник Данилевского и так же, как и он, сторонник формирования Всеславянской федерации историк Михаил Погодин: *«Польша была для России самую уязвимою, опасною пяткою: Польша должна сделаться крепкою ее рукою. Польша отдаляла от нас весь Славянский мир: Польша должна привлечь его к нам. Польшею мы поссорились с лучшею Европейскою публикою: Польшею мы должны и примириться с нею... Россия, огражденная дружественной, одну судьбу с нею разделяющей Польшей, становится уже безопасною от всяких западных нападений, и вспомоществуемая усердно пятью миллионами преданного, восторженного племени, с собственными бесконечными силами, коими получит возможность располагать без всякого опасения и развлечения, делается опять страш-*

¹ Подробнее об этом см.: Саид Е.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006.

² См.: Неменский О.Б. Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления // Звенья. 2011. № 1(14); Россия — Польша: перезагрузка? М., 2011. С. 11–38.

³ См.: Сергеев С.М. Столетняя война с «воскресающими мертвецами»: Польский вопрос и русский национализм в XIX — нач. XX в. // Вопросы национализма. 2011. № 2(6). С. 39–67.

⁴ Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М., 1986. С. 207.

ною западу, вместо того, что теперь страшен ей запад»⁵.

Однако и Погодин после восстания 1863–1864 гг. изменил своё мнение и стал говорить о необходимости «дешляхтизации»: *«Ныне Поляки соединились с исконными врагами Славян, с Немцами, Мадьярами, даже с Турками, объявляя торжественно, что судьба Турции и Польши нераздельны, и, наконец, смертоносным выстрелом в Государя-гостя Франции ответили на объявленную амнистию. Шляхта Польская является совершенно глухою ко всем словам мира, согласия, родства, и совершенно чуждою не только Славянам, но даже своему собственному народу. Ослепление непостижимое! Я давно уже уверился в Западном, Кельтическом или Романском её происхождении, но теперь уверился еще вот в чем: пришлецы в Польше никогда не соединялись с туземцами, как соединялись они у нас и в других странах, более или менее, так, что шляхта и народ составляют там до сих пор два совершенно различные общества. Иначе не умею я объяснить себе последних явлений. *Nabent sua fata nationes*. Шляхта нынешняя, как древние Евреи, изведенные из Египта, должна погибнуть в сорокалетнем странствии по пустыне Европейской, а новая Польша с освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю в соединении с Россиею»*⁶. То есть Погодин тогда, разуверившись в потенциальном союзе с поляками, попросту решил отказать польской шляхте в славянском статусе. Данный аргумент, кстати, наверняка имел свои корни и в собственно польских традициях т.н.

«сарматизма», однако здесь он был использован именно для того, чтобы сохранить в крайне неблагоприятных для славянской взаимности обстоятельствах саму идею о славянском объединении.

Данилевский писал свою книгу «Россия и Европа» тоже после польского восстания. И примечательно, что отношение к полякам здесь уже не столь оптимистичное, как у прежних мыслителей консервативной направленности⁷. Наоборот, он открыто пишет о польской враждебности, о «враждебном польском элементе»⁸. Однако причину такого отношения он усматривает не в характере польского народа, а в искажении его природы западными влияниями. Будучи убеждён, что «Европа есть поприще германо-романской цивилизации, ни более ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация»⁹, Данилевский ставит всех славян вне Европы, а потому любые её влияния рассматривает как внешние. Однако «Польша, хотя и осталась материально независимой от немецкого владычества, одна из всех славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоила их себе, — а потому и была в течение большей части своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи, изменившим

⁵ Погодин М.П. Записка о Польше. 1856 // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 333–345.

⁶ Погодин М.П. Польский вопрос. 1867 // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 327–331.

⁷ Впрочем, в научной литературе было высказано и мнение, что Данилевский просто собрал основные стереотипы восприятия поляков того времени; якобы книга Данилевского «являет собой уникальное, почти полное собрание стереотипов по поводу Польши, имевших хождение в тогдашнем русском обществе» (Аржакова Л.М. Н.Я. Данилевский и его современники о месте поляков в славянском мире // Славянский альманах 2008. М., 2009. С. 69).

⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 35.

⁹ Там же. С. 58.

общим славянским началам, стремившимся распространить, насилием и соблазном, враждебный славянскому миру католический и шляхетско-аристократический принцип в самую глубь России»¹⁰. «...Если... польское общество останется тем же неизлечимым больным, каким оно до сих пор было; если как эмигранты, так и внутренние зловредные элементы сохранят свое влияние и, вербуя себе все новых и новых адептов в подрастающей молодежи, увековечат эту язву, которая так долго разъедает всю страну»¹¹.

Натуральные свойства польского народа совсем иные, чем предстают в его верхнем европеизированном слое. Данилевский выводит свои исторические законы, и по одному из них «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа»¹². Соответственно, для всех славян любая попытка «стать европейцами» ему видится причиной уродства и морального падения, причём эту же болезнь он видит и в русских (см. главу «Европеиничанье — болезнь русской жизни»). «Этим мы вовсе не хотим сказать, чтобы производящие это влияние явления европейской жизни были дурны сами по себе; мы утверждаем только, что они, пересаженные на чуждую, не свойственную им почву, обращаются в уродство. Католичество... на польской почве обратилось оно в ксёндзство. Аристократизм... в Польше... обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие — в быдло. Наконец, демократизм и революция... производили в Польше только сеймики, конфедерации, “не позволям”, народный жонд, кинжалы и жандармов-вешателей. Итак, тройственное искажение польского народного характера вкравши-

мися в него в течение исторической жизни Польши чуждыми элементами — вот что должно быть ненавистно нам в поляке, и только одно это»¹³. Данилевский даже иногда оговаривается, что говорит не вообще о поляках, например: «поляк (опять-таки поляк шляхетный)»¹⁴. Таким образом, вследствие латинизации и перенимания европейской культуры «поляк не мог превратиться ни в отвлеченного, ни в конкретного какого-нибудь европейца, а мог сделаться только искаженным и обезображенным славянином»¹⁵.

Данилевский противопоставляет европеизированной элите простой польский народ, на которого и возлагает свои надежды на славянскую взаимность: «Но разберем, в чем и где заключается это искажение. Оно не в польском народе, не в специально польских качествах ума, чувства и воли, в которых мы найдем много драгоценного, много сочувственного... Искажение это заключается в так называемой польской интеллигенции и именно в трех сторонах ее: католическо-ксендзовской, аристократическо-шляхетской и демократическо-революционной. Подводя общий итог и этим трем сторонам польской интеллигенции, мы увидим, что он заключается в коренном извращении, обезображении польско-славянской натуры чуждыми ей европейскими влияниями, поразительным европеиничаньем»¹⁶. Данилевский находит подтверждение неискаженного славянского характера польского простого народа и в истории польских восстаний: «Так же точно русскую сторону держит народ и в Северо-Западном и в Балтийском крае. Но воочию обнаружилось это в Западном крае только вслед-

¹⁰ Там же. С. 314.

¹¹ Там же. С. 391.

¹² Там же. С. 91.

¹³ Там же. С. 393.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

ствие мятежа. Этого мало: эта проба показала, что даже в самой Польше, в этой классической стране русобоязни и русоненавидения, народ на нашей стороне»¹⁷.

При этом саму польскую русофобию во всей её агрессивности он также объясняет искажением славянской природы: «Такое направление общественного мнения Европы очень хорошо поняла и польская интеллигенция; она знает, чем задобрить Европу, и отказывается от кровного достояния Польши, доставшегося Австрии и Пруссии, лишь бы ей было возвращено то, что она некогда отняла у России; чужое ей милее своего»¹⁸. «Но эти планы были направлены не на Галицию и Познань, а на западную Россию, потому что тут только были развязаны руки польской интеллигенции — сколько угодно полячить и латыннить. И только когда, по мнению польской интеллигенции, стало оказываться недостаточно потворства или, лучше сказать, содействия русского правительства, — ибо потворства все еще было довольно, — к ополчению западной России, тогда негодование поляков вспыхнуло и привело к восстанию 1830-го, а также и 1863 года»¹⁹. «Один из славянских народов — поляки — представляет действительное и грустное исключение. Насильственность и нетерпимость отметили характер их истории. Но та, сравнительно небольшая, доля польского народа — шляхетство, к которой только и может по справедливости относиться этот упрек, могла усвоить себе европейскую насильственность не иначе как исказив и весь свой славянский образ, совершенно отказавшись от него, сделавшись ренегатом славянства во всех отношениях до такой степени, что обращается в орудие Турции для угнетения славян»²⁰.

И Данилевский предлагает единственный, на его взгляд, способ излечения Польши и её возвращения в славянское семейство — Всеславянский союз и тесная связь с Россией. Он пишет: «В этом случае польскому народу предстояло бы или постепенное слияние с родственным ему русским народом, или же, при сохранении своей национальности, очищенной продолжительным русским влиянием от приставших к ней злобредных, искажающих её примесей, стать, подобно всем славянам, дружественным товарищем и пособником русскому народу в великом общеславянском деле, приобретая и для себя постепенно все большую и большую долю самостоятельности»²¹. «Но эта счастливая судьба может открыться для Польши и поляков не иначе как при посредстве всеславянской федерации. В качестве члена союза, будучи самостоятельна и независима, в форме ли личного соединения с Россией или даже без оного, она была бы свободна только во благо, а не во вред общеславянскому делу. Силы Польши были бы в распоряжении союза, а всякое действие ее против России было бы действием не против нее только, а против всего Славянства (одну из составных частей которого она сама бы составляла), было бы, следовательно, изменою против самой себя»²². Данилевский уверен, что здраво (не пошляхетски) понятые польские национальные интересы полностью совпадают с русскими. Он пишет о «здрово понятых русских интересах, которые суть вместе с тем и здраво понятые польские интересы, без всякого мирволенья польщизне»²³. Сможет ли пойти на это польский народ — Данилевский сам не уверен, поэтому перечисляет поляков среди других славян с сомнением: «Итак, для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорва-

¹⁷ Там же. С. 467.

¹⁸ Там же, С. 35.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же. С. 188.

²¹ Там же. С. 392.

²² Там же. С. 395.

²³ Там же. С. 392.

та, словенца, словака, болгара (желал бы прибавить и поляка), — после Бога и Его святой Церкви, — идея славянства должна быть высшею идеею»²⁴. В перечне государств будущего Всеславянского союза²⁵ Данилевский вообще не упомянул Польшу (причисляя её, очевидно, к части, именуемой Русской империей) — вероятно, опасаясь выведения её в самостоятельное государственное образование. Впрочем, в других местах он предполагает и такую возможность.

Вообще, сама идея об испорченности поляков западными влияниями и на то время была очень не нова, однако имела другую традицию обоснования. Ещё в западнорусской полемике, возникшей после заключения Брестской церковной унии, содержатся утверждения об отпадении поляков от славянской общности, которая видится как общность религиозно-конфессиональная, более того, церковно-поместная. Так, киевский писатель начала XVII века, архимандрит Киево-Печерской лавры Захария Копыстенский описывал в своей книге «Палинодия» единую славянскую духовную общность, возникшую и утвердившуюся к 1000 году. Тогда все славянские народы были крещены в Православие (через миссию свв. Кирилла и Мефодия) и входили в диоцезу Константинопольского патриарха. «А што ся ткнет Моравы, Чех, Угров и Ляхов, хто бы их окрестил и научил веры от початку, поведая, же были окрещены от епископов Грецких и веры научены не иной, ено той, которую и ныне церков всходняя визнавает»²⁶; «Славенских краев народове: Моравяне, Чехове, Угрове и Ляхове с первотин приняли были веру церкви Константино-

полской», причем «*тыи все Словацкии народове подлежали и подлежат мели под духовную владзу патриархов Константинопольских*»²⁷. Особое внимание Копыстенский уделяет доказательству того, что и поляки тоже были православными: «*о Ляхах мовлю, иж и тым тыиж Грецкии апостолове Мефодий и Кирил проповедали евангелие*», «*ест речивисте видети, иж Поляки веру от Чехов приняли, а Чехове, як ся юж показало, от Греков крещены были и веры научени (при “Мешке або Мециславе, княжи Полском”*. — О.Н.). Ясне ся з того теды и доводне показует, же Поляци первотне держали веру Грецкую, якої оныи Грецкии апостолове Мефодий и Кирил Чехов были научили»²⁸. В этом плане Копыстенский устанавливает тройную параллель между русскими и поляками, наличие которой предстает как большой укор «братьям» полякам: «*О! гды бы и нынешнии панове Поляци так читили, шановали и поважали св. столицу Константинопольскую, от которой научени, правдивого Бога познали, поганство повергли и крещением в княжати Полском Мстиславе просветилися (а той от Чехов, где на он час еще вера и набоженство Константинопольское трвало, крестился), — теды нигды бы з нами, братиею своею, которых один народ Роксолянский сплодил, одна отчизна — Корона Полская — выховала, и одна Константинопольская столица веры Христовы научила, — нигды бы, мовлю, з нами, братиею своею, в шранки о веру не вступовали...*»²⁹. Переход же поляков, как и других западных славян, в подчинение Риму он связывает с деятельностью Войцеха: «*епископ Войтех, пришедши з Риму в Полицу, выкоренил веру Грецкую*»³⁰. Копыстенский пишет о «развращенье през Войтеха» всех

²⁴ Там же. С. 127.

²⁵ Там же. С. 388–389.

²⁶ Копыстенский З. Палинодия, или Книга обороны кафолической // Русская историческая библиотека. Т. IV. СПб., 1878. Стлб. 998.

²⁷ Там же. Стлб. 997.

²⁸ Там же. Стлб. 995–996.

²⁹ Там же. Стлб. 606–607.

³⁰ Там же. Стлб. 995.

указанных народов — моравов, чехов, словаков и поляков³¹. Такое стремление утвердить взгляд на славянскую общность как на общность не только кровно-языковую, но и духовную, религиозную, было для того времени распространенным явлением, вызванным как актуализацией под воздействием политических факторов общеславянского самосознания, ясно проявившегося у западных славян, так и одновременной активизацией сознания религиозно-конфессионального.

Идея изначального славянского единства в Православной Церкви стала традиционной для русской мысли и нашла своё яркое выражение в трудах славянофилов, видевших, например, в гуситском движении попытку чехов вернуться в Православие. Нашло это своё отражение и в тексте Данилевского, когда он пишет о чехах: *«В окруженной горами Чехии долее сохранилась славянская самобытность, но и она подчинилась латинству и вступила в вассальные отношения к Германской империи. Только память православия жила в ней сильнее, чем в других западно-славянских странах, и она-то прорвалась с неудержимою силою в славной Гуситской борьбе, которая, надолго закалив в чехах их народные начала, дала им возможность вновь воскреснуть после полного наружного подавления»*³². Данилевский так же, как и более ранние авторы, пытается видеть славянский и германский мир разрозненными не только по крови, но и по вере: *«Итак, на всем протяжении от Адриатического моря и среднего Дуная до берегов Балтийского моря и от Лабы до Двины и Днепра — напор мира германского на славянский, латинства на православие, ознаменовался более или менее полным успехом»*³³. Однако эти моменты в

его тексте можно признать скорее следами традиции, чем основой собственной концепции. И если Копыстенский и многие другие авторы ожидали в будущем возвращения отпавших от Православия славян назад в лоно родной Церкви, то у Данилевского нет об этом ни слова.

На деле Данилевский нигде не заостряет вопрос о латинском вероисповедании части славян. Попорченность западной (европейской в значении романо-германской) культурой тех же поляков может быть излечена через славянское единство, но, тем не менее, это не подразумевает их перехода в Православие. Как очень точно написал Б.П. Балув: «Данилевский начисто исключил вероисповедный принцип из условий формирования будущей славянской федерации. Критикуя католическую церковь за насильственный прозелитизм, он никогда ни одной строчкой не призывал понуждать католиков к переходу в Православие на территории Российской Империи. Тем более не мог он этого предлагать для будущей славянской федерации»³⁴. То есть Данилевский уже не рассчитывал на возвращение поляков в Православие, в чём можно усмотреть и довольно значимый отход от прежней традиции осмысления славянской общности. Конечно, на это могло оказать влияние впечатление от недавно прошедшего (в 1867 г.) в Москве Славянского съезда, на котором из 80 зарубежных участников лишь немногим более десяти были православными. Однако стоит заметить и теоретические основания для такого подхода.

Теория культурно-исторических типов, предложенная Данилевским, рассматривала формирование такого «типа» как развитие народности от племенного состояния: *«Всякое племя или семейство народов, характе-*

³¹ Там же. См. стлб. 997.

³² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 314.

³³ Там же.

³⁴ Балув Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 2001. С. 366.

ризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою... составляет самобытный культурно-исторический тип»³⁵. Таким образом, этот тип имеет привязку в основаниях своих именно племенную, а не конфессиональную.

При этом, что особенно интересно, несмотря на всю свою склонность к биологическим ассоциациям, Данилевский выступает резким критиком господствовавшего тогда и постепенно набиравшего всё большую популярность расового подхода. Для него народность заключается в языке, а не в фенотипе, и именно языковые общности могут, по его мнению, дорасти до стадии культурно-исторических типов. Вот как он противопоставляет расовые измышления и языковые реалии: *«Если славяне, невзирая на то, что говорят арийскими языками, имеют особую форму черепа, то необходимо принять, что они заимствовали свой язык от какого-нибудь длинноголового арийского племени, говорившего славянским языком, конечно, весьма многочисленного и могущественного, если оно могло передать свой язык такому крупному отделу человечества, имевшему, в сущности, тюркское происхождение, так как по соседству тех мест, где теперь живут или прежде жили славяне, только одни тюркские племена соединяют характер короткоголовости с прямочелюстностью. Как же не осталось никаких следов от этого коренного праславянского племени? Из этого, казалось бы, всего ближе заключить, что отношения между продольным и поперечным диаметром черепов хотя могут и должны быть принимаемы в число антропологических признаков, характери-*

*зующих группы человеческого рода, но не могут иметь того преобладающего значения, которое им придается»*³⁶.

Таким образом, мы видим у Данилевского отказ как от старых попыток увидеть славянство как изначально православную духовную общность народов, так и от модных на то время попыток увидеть в языковых общностях расовую природу. И действительно, и в наши дни трудно поспорить с тем, что славяне — это в первую очередь общность именно языковая.

Однако дальнейшая линия развития цивилизационной мысли, как мы знаем, всё же вернулась к религиозно-конфессиональному фактору, и в настоящее время это преобладающий подход, причём как в науке, так и в массовом сознании. Попытка Данилевского поставить в основу цивилизации язык могла вызывать уже тогда большие сомнения, ведь, например, тот же романо-германский культурно-исторический тип не характеризуется единой языковой основой — гораздо нагляднее его основания в западном христианстве. Однако XIX век был столетием своего рода панславянской романтики и большого интеллектуального запроса на поиск единых оснований славянской общности. А это неминуемо требовало искать обоснования общей цивилизационной природы таких культурно различных народов, как русские и поляки. Идея противопоставления славянского и романо-германского миров дожила до XX века и особенно была актуальна в период Первой мировой войны. Но последующие события этого же столетия заставили в ней окончательно разочароваться.

³⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 91.

³⁶ Там же. С. 175.